

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЕРБАЛЬНОЙ АГРЕССИИ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ПРИЗНАКОВ ЭТНИЧЕСКОЙ КСЕНОФОБИИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ)

И.В. Курьянова

*Департамент региональной безопасности и противодействия коррупции, «Московский исследовательский центр»
Москва*

Развитие информационных технологий, их активное проникновение в общественные процессы, трансформировало современную социокультурную реальность и актуализировало осознание проблем, связанных с глобализацией и с самим информационным обществом, дискуссии о которых ведутся на протяжении последних десятилетий. Социальные сети, блоги, чаты в настоящее время практически полностью заменили общение «вживую» в молодежной среде: они доступны в любое время суток, быстры и, тем самым, наиболее удобны.

Согласно представленным данным фонда «Общественное мнение» о количестве пользователей Интернета в России, в 2017 году ежедневно пользовались Интернетом 60% населения (70,4 млн человек). Динамика проникновения Интернета в федеральных округах и населенных пунктах Российской Федерации свидетельствует о все более возрастающей аудитории Интернет-пользователей. Согласно опубликованному российским филиалом исследовательского концерна GfK (Gesellschaft für Konsumforschung) Group отчету, аудитория интернет-пользователей в 2017 году в возрасте от 16 лет и старше составила 87 миллионов человек, что на 3 миллиона больше, чем год назад. Проникновение Интернета среди молодых россиян (16–29 лет) достигло предельных значений еще в предыдущие годы и, по данным GfK, на сегодняшний день составляет 98%.

Современного человека уже практически невозможно представить без общения посредством различных интернет-платформ. Социальные сети сегодня — один из самых популярных способов не только развлечения, но и общения. Коммуникация посредством сети Интернет предоставляет пользователям практически полную свободу самовыражения: рассказывая о себе, своих увлечениях, мыслях, чувствах, человек создает свою роль, свой желаемый образ (рейтинг, количество друзей / подписчиков и др.).

Наибольшую актуальность на сегодняшний день представляют научные изыскания, посвященные проблемам изучения речевой агрессии в интернет-коммуникации. Учеными неоднократно высказывается мысль о том, что речевые проявления агрессии требуют системного и всестороннего исследования [2, 7, 9, 11]. Как отмечает Р.К. Потапова, расхождение между ценностными ожиданиями и ценностными возможностями отдельных личностей и сообществ является первопричиной индивидуальных и массовых конфликтов, деструктивного поведения, агрессии и террора [9, с. 17]. Согласно прогнозам Стратегии национальной безопасности до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года № 537, в современном мире все большее развитие получают националистические настроения, ксенофобия, сепаратизм и экстремизм. На Заседании коллегии Федеральной службы безопасности Российской Федерации 5 марта 2018 года президент России В.В. Путин подчеркнул, что среди приоритетных задач, прежде всего, стоит необходимость защиты населения «от тех, кто пытается заразить общество агрессией и нетерпимостью, ксенофобией и национализмом. Радикализм, какой бы политический, идеологический оттенок он ни носил, ни принимал, разрушителен по своей сути, и мы обязаны обезопасить страну, будущее людей от этой угрозы».

Национально-этническая проблематика — исключительно актуальная в наш бурный век прогресса и социальных потрясений — всегда привлекала внимание исследователей различных направлений. Актуальность разрабатываемой в научных кругах темы этнической толерантности / интолерантности связана с процессами глобализации, миграции и информатизации, которые внесли существенные изменения в межэтнические отношения россиян [5, с. 105]. Для российской действительности характерны различные формы национально-этнического противостояния: территориальные и геополитические конфликты, столкновения на почве межнациональной розни, акции насилия со стороны неонацистских и экстремистских организаций, деструктивные действия по отношению к этническим мигрантам. Всё это находит отражение в общении, осуществляемом посредством социальных сетей.

Наиболее часто на экспертное исследование поступают содержащие лингвистические признаки экстремизма и ксенофобии материалы, опубликованные пользователями социальных сетей «ВКонтакте», «Одноклассники», «Facebook», транслирующие модели агрессивного-девиантного речевого поведения. В рамках настоящей работы остановимся на частном аспекте и рассмотрим вербальные признаки выражения этнической ксенофобии в публикациях указанных социальных сетей.

Материал исследования составили интернет-публикации, размещенные на персональных страницах различных пользователей социальных сетей «ВКонтакте», «Одноклассники», «Facebook», которые были отобраны из предоставляемых в качестве вещественных доказательств на судебную лингвистическую экспертизу объектов (спорных публикаций). Под спорной публикацией в судебной лингвистической экспертизе понимается объединенная смыслом последовательность знаковых единиц (например, видеоролик, статическое изображение, текст и т.п.), содержащая значимые для дела фактические обстоятельства, которые необходимо проверить экспертным исследованием. В ходе настоящей работы было проанализировано 420 спорных публикаций на русском языке, представляющих собой поликодовые тексты, включающие вербальный и визуальный компоненты информации, дополняющие друг друга, представляющие смысловое единство, совокупность.

Для более глубокого понимания того, как и какие речевые признаки вербальной агрессии являются репрезентантами этнической ксенофобии в сети Интернет, необходимо обратиться к определению данных понятий.

Сложность определения вербальной агрессии заключается в том, что речевая агрессия может выражать самые разные побуждения и намерения, возникать в разных обстоятельствах, приобретать разные формы словесного воплощения, т.е. не является единой формой поведения или деятельности [11]. Феномен «агрессия» как речевой акт, заменяющий агрессивное физическое действие, достаточно сложен, рассматривается с разных точек зрения и в современной науке носит междисциплинарный характер. В научной литературе можно встретить разнообразные дефиниции понятия «речевая агрессия». В настоящей работе толкование понятия «вербальной агрессии» сформулировано на основе определения, данного Р.К. Потаповой и Л.Р. Комаловой в тематическом толковом словаре «Вербальная структура коммуникативного акта агрессии» [7]. Под вербальной агрессией в рамках данной статьи будет пониматься целенаправленное использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности, ненависти, а также побуждение (в том числе в форме призыва) к совершению насильственных (деструктивных) действий.

Исходя из названия, содержанием понятия «ксенофобия» является «боязнь чужих» («xenos» — «чужой, странный»; «phobos» — «страх, ужас, боязнь»). В настоящей статье автор придерживается определения ксенофобии, данного М.В. Крозом и Н.А. Ратиновой: «Ксенофобия — это негативное, эмоционально насыщенное, иррациональное по своей природе (но прикрываемое псевдорациональными обоснованиями) отношение субъекта к определенным человеческим общностям и их отдельным представителям — «чужакам», «иным», «не нашим». Она проявляется в соответствующих социальных установках субъекта, предрассудках, предубеждениях, социальных стереотипах, а также в его мировоззрении» [3, с. 7].

В соответствии с этим определением в данной статье рассматривается вербальное агрессивное поведение пользователей социальных сетей «ВКонтакте», «Одноклассники», «Facebook» в отношении «чужих», обоснованное враждебными установками, направленными против лиц иной этнической принадлежности. Практика проведения экспертных исследований по материалам уголовных дел, возбужденных в рамках ст. 282 УК РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»), является сегодня достаточно распространенной в правоохранительных органах Российской Федерации. При этом по замечанию О.Н. Матвеевой, «возбуждение ненависти и вражды, несмотря на распространенную экспертную практику, является одним из самых сложных по квалификации составов для эксперта-лингвиста. Это связано, во-первых, с заложенной в законодательстве психологической составляющей (изменение отношения адресата к той или иной группе лиц), во-вторых, со сложностью определения границы допустимых и недопустимых речевых действий, выражения собственного негативного отношения у адресата» [6, с.144].

В рамках рассмотрения вербальной агрессии при установлении этнической ксенофобии в спорных публикациях, размещенных в интернет-пространстве, целесообразно выделить комплекс лингвистических признаков, являющихся репрезентантами возбуждения ненависти либо вражды по отношению к группе лиц, выделяемой по национальному (этническому) признаку.

Ключевым понятием здесь выступает «этническая идентичность» как представление индивида о своей принадлежности к той или иной этнической группе. Этническая идентификация предполагает постоянное обращение к традициям, авторитетам, стереотипам поведения, представленным в формах культурно-языкового контекста, выражающихся в неперменном атрибуте самоидентификации — противопоставлении «мы — они», «свой — чужой». Установлено, что оппозиция «свой — чужой» имеет универсальный характер и является неотъемлемой составляющей онтологических представлений о бинарной структуре мира, а сама категория «свой — чужой» для этнической картины мира является ядерной [1].

Отнесенность к группе лиц, выделяемых по национальному (этническому) признаку (кластеризация «свой — чужой»), устанавливается в объекте посредством использования адресантом местоимений «мы», «наш» в инклюзивной форме: «в нашу страну»; «наш язык»; «они в отличие от нас, русских»; «в нашем городе». Противопоставление «своей» и «чужой» групп строится по принципу создания контраста «мы» ↔ «они»: «Они думают к нам привезти эту чернозадую заразу. В нас воспитывают толерантность к чему? Что

пытаются заставить терпеть, несмотря на неприязнь? Что внушают поддерживать вопреки отвращению?». Тем самым автор оценивает группу как «они», включая себя в противоположную группу — «мы».

Для наименования «чужой» группы часто используются лексемы, отражающие в своей семантической структуре ксенофобную коннотацию (в том числе контекстуальную): «чурка»; «чернозадый»; «хач»; «жид»; «гуки» и т.п. При этом отрицательная модальность номинаций, используемых для обозначения «чужой» группы, зачастую усилена посредством употребления суффиксов субъективной оценки, придающих оттенок пренебрежения, презрения, умаления достоинства определенной нации (этноса) с целью формирования категории неравенства по линии «свой» / «чужой» (например, «жидята», «жидовня»).

Для установления факта этнической ксенофобии в спорной публикации необходимо выявление лингвистических признаков возбуждения вражды, ненависти по отношению к «чужой» группе.

Исследование материалов, публикуемых в социальных сетях интернет-ресурса, показало, что концепт «враждебность» включает в себя негативную оценку «чужой» группы в отношении группы «своих», описание недостатков и свойств, делающих «чужую» группу неполноценной, обсуждение необходимых ответных действий и призывы к их совершению [4]. Научная школа Р.К. Потаповой, многочисленные труды ученого [8, 9], а также данные о языковых маркерах агрессии, обобщенные в монографии Л.Р. Комаловой [2], позволили при анализе спорных публикаций, поступающих на экспертное исследование, выявить следующие лексико-семантические, грамматические и стилистические структуры, содержащие лингвистические признаки этнической ксенофобии:

- инвективная лексика («жирнозадые суки»; «ублюдки черножопые»; «чернозадая мелочь»; «чернозадая зараза» и пр.);
- специальные номинации семантического поля «животное» по отношению к лицу, свидетельствующие об отсутствии у представителей «чужой» группы необходимых для нормального статуса свойств («Ходят выводком, матка и чернозадая мелочь» [здесь и далее при цитации текста спорных публикаций сохранены орфография и пунктуация пользователей социальных сетей], где «выводок — птенцы или детеныши млекопитающих, выведенные одной самкой и держащиеся вместе» [10]; «матка — самка-производительница у животных, например: Оленья м., Пчелиная м.» [10]; «Давайте раздавим чернозадую заразу», где «раздавить — нажимая, убивать, например, мух» [10]);
- конструкции, демонстрирующие негативную иллюзию (агрессию), выраженную в стремлении видеть в поведении противопоставляемой группы лиц враждебную интенцию («Приехали в нашу страну, не потрудившись выучить наш язык!»; «Хамят, наезды постоянные»; «Сегодня они лебезят и готовы работать за гроши, а завтра брат или муж такой женщины скажет, что пора показать кяфирам страх божий как велено в коране»);
- использование стилистического приема аллюзии (намёк на общеизвестные факты, исторические события и т.п., например, демонстрация нацистской свастики в сочетании с фразой «сюрприз из 1941» при изображении поджога национального израильского ресторана; употребление фразы «сохрани дух старой школы!» в сочетании с изображением человека в военной форме, разводящего в стороны пейзаж еврея; изображение А. Гитлера, известного как идеолога нацизма, «произносящего» фразу «Хач замерз зимой на речке, я согрею его в печке» как намек на сжигание людей в нацистской Германии);
- частотные образования пародийных номинаций, окказионализмов (например, «Азиопа» для обозначения союза Азии и Европы; надпись «Холокост 2.0» при изображении многочисленных лесных пожаров в Израиле осенью 2016 г., где Холокост — массовое уничтожение евреев в Германии во время Второй мировой войны, 2.0 — постфикс, обозначающий усовершенствованную версию, новую ступень развития того, к чему применяется; изображение женщины неславянской внешности в традиционной азиатской одежде на территории Красной площади с подписью «2050 год. Рускистан. Москвабад», где посредством топонима «-истан» и ойконима «-абад», свойственных тюркским и иранским языкам Азии (ср., например, Узбекистан, Таджикистан, Ашхабад, Джелалабад и др.), передается негативная оценка автора к иммиграции представителей стран Азии);
- использование императивной формы глагола и побудительных конструкций с целью призыва к насильственным, разрушительным или дискриминационным действиям, в том числе «оборонительным» («Пора встать против угрозы заражения плечом к плечу!»; «Поддерживай отечественных производителей, не спонсируй халифат»; «Останови черножопых»; «Что мешает не ездить на среднеазиатах и кавказцах? Что мешает при заказе говорить оператору: “Водитель славянской национальности?”»; «ДОЛОЙ инородную мразь!»; «Убей хача – порадууй маму!»), выражающим побуждение предоставить этническим «белым» привилегированное положение в ущерб правам и свободам представителей других национальностей/этносов.

При исследовании признаков этнической ксенофобии в спорных публикациях лингвистами часто устанавливается, что нарушение этико-коммуникативных норм речевого взаимодействия является основанием для общей отрицательной оценки «чужой» группы не только по признаку национальной (этнической) принадлежности, но и в связи с действиями, приписываемыми противопоставляемой группе

лиц на основании их происхождения. Данные лица представляются как источник опасности, угрозы для «своей» группы, поскольку являются «чужими», «инородными».

Следует также отметить, что в век современных информационных технологий пользователям социальных сетей доступны практически любые формы передачи информации, включающие не только вербальные средства коммуникации, но и графические (иллюстрации, так называемые демотиваторы и т.п.) и динамические (видеоролики, аудиоклипы и т.п.) формы невербальной коммуникации. Так, распространение в социальных сетях получили видеофонограммы, актуализирующие уничижительную оценку «чужой» группы посредством использования музыкального сопровождения к изображаемому действию. Например, при публикации на своей персональной странице в социальной сети видеоролика с поджогом национального ресторана «Соломон», публикатор использовал песню, включающую фразы: «Если скучно станет днем, Мы чего-нибудь подожжём; Гори, гори ясно, Чтобы не погасло», а при демонстрации погони за узбеком — песню со словами: «Где ты? Я бегу за тобой, Разрываюсь с мечтой, Растворяясь в ночи». Музыкальное сопровождение в данном случае использовано пользователями как семантический модификатор, отражающий крайне негативное отношение к «чужим» группам, представляющий разрушительные и насильственные действия в отношении них как развлекательное событие. Оптимистичная тональность песен противоречит визуальной информации объектов (сцена поджога, сцена избиения). Тем самым автором / публикатором выражено положительное отношение к демонстрируемым насильственным действиям, подчеркивается издевательское отношение к жертве. Взаимодействие вербального и невербального компонентов информации, представленной в спорной публикации, приводит к созданию единого общего смысла.

С целью выявления тех устойчивых компонентов значений, посредством которых может раскрываться концепт «враждебность» при выражении этнической ксенофобии в спорных публикациях сети Интернет, был проведен следующий эксперимент. Испытуемым (экспертам-лингвистам с опытом работы более 5 лет, N = 10) был представлен речевой материал (спорные публикации, N = 30), содержащий лингвистические признаки этнической ксенофобии (корпус спорных публикаций был отобран с учетом тех исследовательских задач, для которых предполагалось проведение эксперимента). Для проведения эксперимента были подготовлены лингвистические карточки, содержащие набор компонентов значений, которые испытуемым требовалось оценить по трем степеням выраженности: «часто» — высокочастотная встречаемость и яркая выраженность признака; «выражен» — признак встречается наряду с реализацией иных компонентов значений, выражен не ярко; «не выражен» — признак не характерен для спорной публикации. На основании заполненных лингвистических карточек был составлен реестр тех компонентов значений, которые оценивались испытуемыми пометой «часто» и «выражен». Реестр компонентов значений концепта «враждебность» приведен в таблице 1.

Таблица 1. Реестр компонентов значений концепта «враждебность»

№	Компонент значения	Оценка
1	Действия (разрушительные, насильственные)	«Часто»
2	Противопоставление групп («свои» — «чужие»)	«Часто»
3	Объект действия (группа лиц, выделяемая по национальному признаку)	«Часто»
4	Субъект действия (группа лиц, разделяющих идеологию природного, врожденного превосходства «своей» группы)	«Выражен»
5	Побуждение (призывы) к насильственным, разрушительным действиям	«Выражен»
6	Унижение «чужой» группы, оскорбление	«Часто»
7	Обоснование необходимости враждебных действий против «чужой» группы, обвинение	«Выражен»
8	Представление «чужой» группы как источника угрозы, потенциальной опасности	«Часто»
9	Возложение ответственности за какие-либо порицаемые обществом действия определенных представителей «чужих» на всю группу лиц	«Часто»
10	Националистические идеи превосходства белой расы, необходимости соблюдения ее чистоты, недопустимости смешения рас	«Выражен»

Таким образом, концепт «враждебность» может выражаться рядом частных случаев, представляющих в своей совокупности лингвистические маркеры этнической ксенофобии: обоснование необходимости, оправдание враждебного отношения и враждебных действий к группе «чужих»; унижение группы лиц, выделяемой по национальному (этническому) признаку; побуждение (призыв) к насильственным, дискриминационным, разрушительным действиям в отношении группы лиц, выделяемой по национальному (этническому) признаку.

В данной работе была осуществлена попытка проанализировать некоторые особенности вербальной агрессии с точки зрения ее проявления в интернет-коммуникации при эксплицитном выражении вражды и

ненависти по отношению к группе лиц, выделяемой по национальному (этническому) признаку. При этом следует отметить, что коммуникация в сети Интернет отличается высокой степенью условности при декодировании смысла публикации. При определении лингвистических признаков этнической ксенофобии в материалах, публикуемых в интернет-пространстве, необходимо учитывать всю специфику коммуникации в социальных сетях: коммуникативную ситуацию, информационный повод для публикации материала, характеристики целевого адресата, возможные особенности восприятия различными адресатами представленного объекта, его «взрывоопасность», а также иные возможные средства и способы выражения вербальной агрессии (в том числе имплицитные) на различных уровнях языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иссерс О. С., Рахимбергенова М. Х. Языковые маркеры этнической ксенофобии (на материале российской прессы) // Политическая лингвистика. 2007. Вып. 3(23). URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/issers-rakhimbergenova-07.htm> (дата обращения: 18.03.2017) .
2. Комалова Л. Р. Агрессогенный дискурс: типология мультилингвальной вербализации агрессии. М.: Спутник, 2017. 275 с.
3. Кроз М. В. и др. Криминальное психологическое воздействие / Кроз М. В., Ратинова Н. А., Онищенко О. Р. М.: Юрлитинформ, 2008. 200 с.
4. Кукушкина О. В. и др. Методика проведения психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму / Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 96 с.
5. Малкова И. А. Этническая толерантность московской студенческой молодежи // Вестник СПбГУ. Сер. 12. Социология. 2016. URL: <http://vestnik.spbu.ru/html16/s12/s12v4/08.pdf> (дата обращения: 16.03.2017).
6. Матвеева О. Н. и др. Судебная экспертиза по делам о преступлениях экстремистской направленности / Матвеева О. Н., Вязигина Н. В., Градусова М. М., Королев А. А., Шашкова Я. Ю., Шмидт Е. И. , Под ред. Матвеевой О. Н. Барнаул: Новый формат, 2016. 351 с.
7. Потапова Р. К., Комалова Л. Р. Вербальная структура коммуникативного акта агрессии. Тематический толковый словарь. М.: ИНИОН РАН, 2015. 146 с.
8. Потапова Р. К., Потапов В. В. Язык, речь, личность. М.: Языки славянской культуры, 2006. 496 с.
9. Потапова Р. К. и др. Речевая коммуникация в информационном пространстве / Потапова Р. К., Потапов В. В., Долинский В. А., Хитина М. В., Харламов А. А., Баженова И. Ю., Комалова Л. Р., Бобров Н. В., Гордеев Д. И., Оськина К. А. / Отв. ред. Потапова Р. К. М.: ЛЕНАНД, 2017. 112 с.
10. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2011.
11. Щербинина Ю. В. Речевая агрессия. Территория вражды. М., 2015. 400 с.